

Так, В.В. Астаниным антикоррупционная деятельность государства определяется как совокупность законодательных, экономических, политических, информационных, организационных мер, направленных на государственное регулирование в области противодействия коррупции.

И.Н. Ключковская полагает, что антикоррупционная политика занимает главное место в правовой политике в силу многоотраслевого характера нормативно-правовой основы (нормы уголовного, административного, налогового, финансового и других отраслей права) и формируется в соответствии с объективными процессами жизни и решением актуальных задач общества и государства, а также с частными видами правовой политики: уголовной, административной, финансовой, таможенной, налоговой и т. п.

Т.В. Филоненко и Я.В. Гайворонская, проведя исследование антикоррупционной политики в системе мер правовой политики, пришли к выводу, что государственная политика в области борьбы с коррупцией должна предусматривать комплексное осуществление правовых, политических, организационных, технических и финансовых мероприятий, обеспечивающих развитие необходимых механизмов, реализация которых позволит создать серьезные предпосылки для коренного изменения в сфере противодействия масштабным проявлениям коррупции и антиобщественным действиям связанной с ней преступности.

Таким образом, авторы придерживаются деятельностного подхода при определении антикоррупционной политики, исключая идеологический компонент в виде правовых идей, установок, принципов, целей, задач, приоритетов, в том числе правовых средств, закрепленных на уровне законодательства, направленность которых находится в области обеспечения оптимального уровня развития и функционирования антикоррупционных правоотношений. С одной стороны, такой подход не способствует формированию целостного представления об антикоррупционной политике государства, исключая правовые средства ее обеспечения, с другой – отражает его сущность.

Следует отметить, что деятельность в области противодействия коррупции требует вовлеченности не только субъектов механизма государства, но и представителей гражданского общества. Механизм противодействия коррупции включает не только борьбу с ней, но и превенцию как немаловажную часть антикоррупционной деятельности. Само непринятие коррупции представителями гражданского общества на всех уровнях ее проявления – от бытового до политического, их активная социальная позиция по недопущению рассматриваемого негативного социально-правового явления не менее важны, чем деятельность государства в лице уполномоченных государственных органов в данном направлении.

Исходя из теории разделения власти антикоррупционную деятельность государства также целесообразно рассмотреть как деятельность его уполномоченных органов в области нормотворчества, реализации исполнительной и судебной властей.

Г.А. Василевич отмечает, что в Республике Беларусь сформировалась определенная система организации борьбы с коррупцией, которая включает в себя разработку и принятие антикоррупционной нормативной правовой базы и определение механизма ее выполнения; разграничение между государственными органами их функций, зон ответственности и организации взаимодействия по противодействию коррупции; создание и обеспечение деятельности специальных подразделений по борьбе с коррупцией; образование на различных уровнях комиссий, координационных советов и совещаний по борьбе с преступностью и коррупцией, специальных информационно-аналитических и криминалистических центров; обеспечение научного сопровождения деятельности государственных органов по борьбе с коррупцией; использование государственных СМИ, активное вовлечение граждан, общественных организаций и трудовых коллективов в деятельность по противодействию коррупции.

Полагаем, что правовыми средствами обеспечения антикоррупционной деятельности государства являются нормы права, облеченные в объективную форму – национальное законодательство. В этой связи одним из важнейших направлений противодействия коррупции являются законотворчество и нормотворчество. Последовательное совершенствование правовой системы, законотворческого процесса и законодательства в целом, устранение коллизий, пробелов и коррупциогенных норм права, порождающих коррупцию, имеют существенное значение для реализации антикоррупционной политики государства.

В настоящее время в Республике Беларусь функционирует межотраслевое законодательство, определяющее систему мер и принципы борьбы с коррупцией, конкретные организационные, предупредительно-профилактические мероприятия и механизмы борьбы с ней, устранение последствий коррупционных правонарушений, предусматривающее различные виды юридической ответственности за правонарушения, создающие условия для коррупции, и коррупционные преступления, а также регламентирующее менеджмент качества в области противодействия взяточничеству в организациях.

Исходя из вышеизложенного, полагаем, что антикоррупционная деятельность государства представляет собой правоохранительную деятельность его уполномоченных органов и должностных лиц в слаженном взаимодействии с институтами гражданского общества, субъектами хозяйствования и частными лицами, направленную на снижение уровня коррупции, устранение (локализацию, нейтрализацию, ликвидацию и т. д.) коррупциогенных факторов и противодействие коррупционному поведению.

УДК 351.74

А.Д. Гронский

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕЙ ПОЛИЦИИ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ ПО НАБЛЮДЕНИЮ И ПРОВЕРКЕ БЛАГОНАДЕЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Органы безопасности и охраны правопорядка в Российской империи имели достаточно широкий круг обязанностей. При этом иногда их функции пересекались. Политическая полиция могла выполнять некоторые функции общей полиции, а та, в свою очередь, иногда занималась расследованием политических дел. Из-за сложности и важности дел о государственных

преступлениях, расследуемых чинами занимающегося политическим сыском Отдельного корпуса жандармов, политическая полиция постоянно контактировала с общей полицией.

В белорусских губерниях, учитывая их близость к государственным границам империи, многоконфессиональный и полиэтничный состав населения, распространившиеся на эту территорию восстания 1830–1831 и 1863–1864 гг. и ряд других факторов, как политической, так и общей полиции приходилось заниматься широким спектром вопросов.

Чаще всего жандармы во время дознания по государственным преступлениям пользовались некоторыми сведениями, предоставляемыми общей полицией. Когда же полиция задерживала подозреваемых, которые могли иметь отношение к политическим преступлениям, она сообщала об этом в местные губернские жандармские управления, где была сосредоточена работа по расследованию политических преступлений. Общая полиция наблюдала за лицами, взятыми под надзор по политическим делам. Также и полиция, и жандармы следили за прибывающими в их губернии учащимися. Например, директора гимназий и реальных училищ сообщали губернским властям, что на каникулы в их местности разъезжаются ученики, прилагая списки учащихся. Губернское начальство пересылало эти списки как полиции, так и жандармам, последние подчеркивали в них фамилии взятых под наблюдение. Учащиеся средних учебных заведений принимали активное участие в революционном движении. Так, в 1902 г. из 11 учеников, прибывших в первый стан Горецкого уезда Могилевской губернии, 5 уже были взяты под наблюдение за антиправительственную деятельность. Благонадежность же остальных проверялась. Этого не избегали даже 13-летние подростки, приехавшие на каникулы. С прибытием новых учеников списки пополнялись. За студентами наблюдение устанавливалось сразу же, даже если они ни в чем не были замечены.

Политической полиции приходилось разбирать и жалобы населения. Причем люди предпочитали общаться с ней с помощью анонимных писем. Например, жандармам поступила анонимка, что помещанка Р. Станилевич была уволена ксендзом без всякого объяснения. Было проведено расследование, которое выяснило, что Р. Станилевич была уволена «за неодобрительное поведение». Вообще к католическим священникам на территории Беларуси интерес политической полиции был повышен по причине того, что они сыграли не последнюю роль в восстаниях 1830–1831 и 1863–1864 гг. Любая активная деятельность католических священников сразу же попадала под наблюдение жандармов. Например, жандармский унтер-офицер докладывал начальству, что ксендз Янукович «сворачивает» в католичество православных. Внимательно губернскими жандармскими управлениями рассматривались доносы про подготовку политических акций. Так, жандармам поступило анонимное письмо, сообщавшее, что некоторыми помещиками производится сбор денег «для злоупотребления против царя». Унтер-офицер провел расследование, в ходе которого оказалось, что никакой почвы под этим доносом нет: многие из названных помещиков «не в дружбе» между собой, и вообще все они проживают не в Могилевской, а в соседней Витебской губернии.

Случалось, что расследованию жандармов подвергалась деятельность служащих общей полиции. Жалобы на полицейских поступали в жандармерию исключительно в виде анонимных писем. Видимо, писавшие боялись того, что упомянутые в анонимках личности могут отомстить им. Жалобы населения проверялись жандармами с помощью проведения негласных расследований. Например, в конце 1916 г. витебскому губернатору пришло анонимное письмо от жителей города Велижа, содержащее жалобу на полицейского исправника Забелина. Анонимка была передана в Витебское губернское жандармское управление для проведения негласного расследования. В процессе разбирательств большинство обвинений не подтвердилось, однако жандармы установили, что исправник действительно часто злоупотребляет спиртными напитками, а иногда – и служебным положением. Например, стражник, конвоировавший арестованных, должен был на себе нести продукты для Забелина. Понимая, что стражнику с поклажей трудно передвигаться, преступники попытались бежать, но стражник оказался проворнее, и арестованные были доставлены по назначению. Анонимные корреспонденты не успокоились, и через два месяца витебский губернатор опять получил анонимку на того же Забелина. Теперь он обвинялся в даче взятки должностному лицу. Жандармское управление провело расследование, не подтвердившее новые обвинения. Иногда власти по своей инициативе просили жандармов негласно проверить работу служащих общей полиции, например, как полицейский пристав расследует дело, по-видимому, связанное с поимкой самогонщиков.

В начале XX в. жандармские унтер-офицеры очень часто помогали полиции расследовать уголовные преступления, а иногда вели расследование параллельно с полицией. В частности, жандармы допрашивали сторожей винных лавок, на которые были произведены нападения, так как временами их совершали революционеры. Однако большая часть подобных преступлений не могла однозначно трактоваться как политический акт, поскольку грабители никак не высказывали своих политических предпочтений. С уверенностью можно сказать только то, что подобные нападения совершались не только местными жителями. Так, во время одного из таких преступлений грабители говорили по-латышски. Иногда в полицию поступали сведения о подготовке таких акций. Тогда полицейская стража совместно с общей полицией и жандармским унтер-офицером делали засады на объектах потенциального нападения. Однако преступники грабили не только винные лавки, иногда такая участь постигала и государственные учреждения. Там преступники забирали деньги, цветную бумагу, печати и паспортные бланки. Иногда ограблениям подвергались даже православные храмы. В таких случаях преступников интересовали только деньги. Нападениям преступников подвергались и частные лица.

Жандармские унтер-офицеры сообщали обо всех мало-мальски важных событиях, которые случались в районе их ответственности. Например, они доносили практически о всех случаях неестественной смерти: полицейский застрелил преступника во время преследования, при загадочных обстоятельствах погиб сельский староста, провалилась под лед и утонула девочка, перевернулась прогулочная лодка, во время купания утонул солдат и т. д. Жандармов интересовали также все без исключения происшествия, которые могли быть связаны с нарушением общественного порядка, начиная с пожаров от молнии и заканчивая эпидемиями различных болезней. Кроме того, жандармские унтер-офицеры на местах наблюдали за всеми проявлениями общественной жизни: встречами рабочих с администрацией, богослужениями с большим скоплением верующих. Жандармы сразу же сообщали своему начальству о найденном во время обысков оружии, следили за неблагонадежными

лицами, даже за бывшими депутатами Государственной думы, наблюдали за поездками высших административных чинов губернии, сообщая своему начальству не только о том, как проходила поездка, но и чем занимался во время нее чиновник. Также жандармы проверяли все слухи об оскорблении царя.

Таким образом, деятельность политической и общей полиции в поздней Российской империи отчасти пересекалась, но в отличие от общей полиции политическая полиция могла проводить расследования и в отношении своих коллег из общей полиции.

УДК 351.74(09)

В.А. Данилов

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕЖИМНОЙ СЛУЖБЫ В ДЕТСКИХ КОЛОНИЯХ БССР В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1944–1953 гг.)

Великая Отечественная война и связанные с ней негативные последствия породили в СССР и в БССР, как в одной из наиболее пострадавших от войны и фашистской оккупации республик, волну массовой детской безнадзорности, беспризорности и сопутствующей им преступности. Масштабы детского сиротства, нищенства, беспризорности и безнадзорности (во многих случаях при живых родителях) потребовали от государства принятия незамедлительных мер по купированию этого опасного социального явления, представляющего собой угрозу национальной безопасности. Одной из эффективных мер стала организация значительного количества детских и юношеских учреждений – детских приемников-распределителей (ДПР), а также особых исправительно-воспитательных учреждений – детских трудовых колоний и трудовых воспитательных колоний (ДТК и ДТВК). Эти учреждения сочетали в себе качества пенитенциарного и воспитательного назначения и достаточно успешно выполнили поставленные перед ними задачи.

Следует отметить, что организация подобных детских и подростковых учреждений, порученная правительством постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 июня 1943 г. «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» НКВД (МВД), была проведена, несмотря на многочисленные трудности материального характера, эффективно и оперативно. Однако, учитывая необходимо принудительный и отчасти карательный характер подобных учреждений, одной из насущных проблем их организации стало налаживание режима, т. е. системы охранительно-ограничительных и воспитательных мероприятий. Отдельные публикации в отечественных и российских научных изданиях не раскрывают, на наш взгляд, в необходимой степени особенности законодательного оформления и становления режима в исправительных учреждениях для несовершеннолетних НКВД (МВД).

Необходимо отметить, что только с началом войны в СССР (в БССР с момента освобождения от оккупации) появилась потребность в создании такого количества учреждений для сирот и несовершеннолетних бродяг и правонарушителей. Это выявило необходимость создавать новые «правила» содержания, охраны и внутреннего распорядка поведения контингента, тем более учитывая совершенно различные задачи, стоявшие перед сотрудниками ДПР, ДТК, ДТВК и осужденными преступниками.

Система режима, действовавшая во «взрослых» местах лишения свободы, не подходила по ряду вполне понятных причин, также как и режимные требования, действовавшие в довоенных местах лишения свободы для несовершеннолетних. ДПР и ДТВК являлись в основном как местами наказания, так и содержания сирот и малолетних правонарушителей до достижения ими определенного возраста – 15 лет (ДПР) или 17 лет (в ДТК) и приобретения гражданской профессии. Поэтому организация режимной службы в ДПР и ДТВК первоначально регламентировалась Временным положением об охране трудовых и трудовых воспитательных колоний НКВД для несовершеннолетних, введенным в действие циркуляром НКВД СССР от 5 ноября 1943 г. В 1943 г. появилось несколько нормативных актов НКВД, регулировавших деятельность учреждений данного направления, – Временное положение о трудовой воспитательной колонии и Временное положение об охране трудовых и трудовых воспитательных колоний для несовершеннолетних.

Однако анализ этих документов показывает, что детально, с указанием прямых обязанностей сотрудников надзорных служб, их прав и ответственности, система режима не регламентировалась. Тем более, что в соответствии с постановлением СНК СССР от 15 июня 1943 г. № 659 была принята инструкция НКВД СССР, Наркомюста СССР и Прокуратуры СССР № 326/52/45 о порядке направления и сроках содержания несовершеннолетних в трудовых воспитательных колониях НКВД СССР, где конкретно указывалось на характер контингента колоний для несовершеннолетних – это помимо беспризорников, сирот еще и подростки (от 11 до 16 лет), задержанные за незначительные преступления, возбуждение уголовного преследования против которых признано нецелесообразным. Таким образом, значительная часть контингента ДПР и ДТВК имела криминальные склонности. 25 февраля 1946 г. вышел приказ НКВД СССР «Об упорядочении организации охраны и надзора в детских трудовых воспитательных и трудовых колониях НКВД», содержащий предписание ограничивать штаты надзорного состава не более 8 % от численности контингента воспитанников.

Статистика показывает, что в 1950 г. в исправительно-воспитательных учреждениях НКВД СССР для несовершеннолетних содержались 33 292 осужденных, из них были осуждены за кражи 82,5 %, за грабежи и разбой 4 %, за хулиганство 2,9 %. Примерно таким было соотношение и относительно к контингенту воспитанников колоний в БССР. Как видно, состав воспитанников требовал организации в колониях серьезных мер режима содержания.

В рассматриваемый период НКВД (МВД) принял несколько директивных документов по организации режима и охраны в детских трудовых воспитательных учреждениях. Однако даже в положении об отделе НКВД СССР и НКВД-УНКВД от 23 сентября 1948 г., как и в предшествовавшем ему положении об ОБДББ НКВД СССР и НКВД-УНКВД от 21 июня 1943 г., изложены